

Виталий Шурыгин
*Пьер Мерсье по прозвищу
«Вандея». Герои Шуанерии*

За Бога и Короля. Выпуск 29

Виталий Шурыгин

**Пьер Мерсье по прозвищу
«Вандея». Герои Шуанерии.
За Бога и Короля. Выпуск 29**

«Издательские решения»

Шурыгин В.

Пьер Мерсье по прозвищу «Вандея». Герои Шуанерии. За Бога и Короля. Выпуск 29 / В. Шурыгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538000-5

Очередной новый выпуск серии «За Бога и Короля», на этот раз посвящен другу и сподвижнику Жоржа Кадудалья, Пьеру Мерсье по прозвищу «Вандея», павшего в бою 21 января 1801 года. Его имя, можно сказать, полностью закрыто личностью знаменитого вождя шуанов и упоминается в основном рядом с именем Жоржа. Близкие друзья и будущие родственники, невестой Пьера была Мария-Жанна Кадудаль, а Жоржа Лукреция Мерсье, они и после смерти вместе и похоронены в одном мавзолее в Керлеано!

ISBN 978-5-00-538000-5

© Шурыгин В.
© Издательские решения

Содержание

Пьер Мерсье по прозвищу «Вандея»	6
Глава первая	7
глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пьер Мерсье по прозвищу «Вандея». Герои Шуанерии За Бога и Короля. Выпуск 29

Виталий Шурыгин

© Виталий Шурыгин, 2021

ISBN 978-5-0053-8000-5 (т. 29)

ISBN 978-5-4493-7910-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пьер Мерсье по прозвищу «Вандея»

Пьер Мерсье

Очередной новый выпуск серии «За Бога и Короля», на этот раз посвящен сподвижнику Жоржа Кадудая, Пьеру Мерсье по прозвищу «Вандея», павшего в бою 21 января 1801 года. Его имя, можно сказать, полностью закрыто личностью знаменитого вождя шуанов и упоминается в основном рядом с именем Жоржа. Даже похоронен Пьер в одном мавзолее в Керлеано, вместе с Кадудалем!

Российский, а потом и советский читатель, мог встретить имя Пьера Мерсье на страницах романа Бальзака «Шуаны или Бретань в 1799 году» всего в одной строчке «...человек из Болота, соратник покойного Мерсье по прозвищу «Вандея». Роман написан, кстати, в 1829 году, действие романа происходит в 1799—1800 годах, когда «покойный Мерсье» был еще жив!

Причем в примечаниях к роману, указано «Мерсье-один из многочисленных французских дворян-эмигрантов, которых Англия засылала в Бретань, для борьбы с революционной Францией»!

Сразу видно, какая дана «правдивая и исчерпывающая информация»!

И, пожалуй, всё, хорошим исключением в русскоязычном интернете служит, небольшая, в один абзац, статья в блоге «Наполеон и революция», «Пьер-Матюрэн, называемый вандейцем (1774—1801)».

Итак, я начинаю свой рассказ.

Глава первая

16 июля 1774 года в семье хозяина постоянного двора Пьера Мерсье, в городе Ле Лион д'Анжер родился первенец, названный по бретонской традиции, в честь отца Пьером Матюреном.

Ле Лион д'Анжер

Мальчик был крещен в тот же день, о чем сохранилась запись в приходской церкви. На крещении, присутствовал и дед мальчика, носивший то же имя, Пьер.

seize juillet mil sept cent soixante quatre a été —
baptisé par nous le sieur pierre mathurin né de ce jour —
Bar. de. fils du sieur pierre Mercier aubergiste à l'hôtel de la bouille d'or
pierre mathurin Mercier
de cette ville et de demoiselle Lucrèce Tanguay sa légitime épouse
les parrains ont été le sieur pierre Mercier grand père de l'enfant
et cette Elizabeth Tanguay qui signent le père présent
M. Mercier Elizabeth d'ouge F. Hantier
p. Mercier.
Desaintem. curé

запись о крещении Мерсье в приходской церкви

Ле Лион д'Анжер (департамент Мен и Луара) расположен прямо на дороге из Анжера в Ренн и Лаваль, на берегу реки Удон. До революции там было три гостиницы (или постоя-

лых двора), одной из которых, «Золотая голова», владели родители мальчика. Сегодня, одна из улиц города носит имя Пьера Мерсье.

улица в Ле Лион д'Анжер названная в честь Пьера

В 1785 году, семья Мерсье переехала в Шато-Гонтье (департамент Майенн), где также стала содержать гостиницу под громким названием «Отель дю Лувр», на улице Труве, на левом берегу реки Майен.

И ныне, Шато-Гонтье, расположенный на обоих берегах реки Майен, входит в число самых красивых объездных маршрутов Франции, где есть и памятники тысячелетней истории и красивые природные пейзажи.

Шато-Гонтье

И, именно здесь, в одиннадцать лет, юный Пьер Мерсье пошел в колледж, который, кстати, был закрыт в 1792 году. По окончании колледжа, юноша поехал в Ренн, столицу Бретани, для получения высшего образования.

В 1735 году из Нанта в Ренн переехал юридический факультет Университета Бретани, что был основан в Нанте в 1460 году, и именно на юридический факультет и поступил Пьер, родители хотели видеть его как минимум адвокатом или нотариусом, а может даже и судьей. Но это (поступление на юридический факультет) произойдет в 1791 году.

А пока, накануне, 8 мая 1788 года Король издает эдикт по сути аннулирующий полномочия местных парламентов. Этот эдикт был подготовлен хранителем королевской печати Ламуаньоном. Хотя парламенты в принципе не ликвидировались, их деятельность приостанавливалась на неопределенное время, состав сокращался, а большая часть полномочий передавалась 47 новым окружным судам. Этот эдикт вызвал возмущение во многих провинциях французского королевства, в частности и в Бретани; Бретонский парламент отказывается его исполнять, как противоречащий «унии Бретани и Франции» 1532 года. Он собирается в Ренне и прогоняет королевских солдат, желающих навести порядок. Выбирается депутация из 12 человек, в число которых входит и маркиз де Ла Руэри, что отбывает в Версаль, что бы донести требования бретонцев до Короля.

Вот её состав: шевалье де Гуэ, маркиз де Трemarж, граф де Бэдэ, де Ла Фрюглай, де Нетюмьер, де Бедельевр, де Карне, де Ла Фероньер, де Сисе, де Монтлюк, де Шатильон и маркиз де Ла Руэри.

5 июля, делегация прибывает в Версаль, но Король отказывается принимать бретонских депутатов. В ожидании «благоволения Его Величества» депутаты останавливаются в Париже, при этом они проводят несколько званных вечеров и обедов, для своих земляков, пока в один знаменательный день, 14 июля 1788 года не были арестованы и препровождены в Бастилию.

Справедливости ради надо сказать, что условия заключения были более чем комфортные, депутатам было предоставлено 240 бутылок лучшего бордо, не говоря о прочих деликатесах. Да и длилось оно не долго, 25 августа 1788 года, с уходом в отставку первого министра Этьенна Шарля де Ломени де Бриенн, узники были освобождены в тот же день! Они с триумфом возвращаются в Бретань, где их чествуют как героев.

А пока бретонские депутаты сидели в Бастилии, 8 августа 1788 года, Король выпустил указ о созыве 1 мая 1789 года, впервые после 1614 года (!) Генеральных Штатов. 29 декабря 1788 года в Рене собирается последний, перед революцией, парламент Бретани.

Третье сословие составляет «наказы», требует равного для всех налогообложения, политических прав. Из числа депутатов, что заседали в парламенте Бретани, 965 составляли дворяне, 30 высшее духовенство и только 42 выходцы из третьего сословия. Причем стоит отметить, что третье сословие было представлено в основном городской буржуазией, а не крестьянством, что составляло большинство населения Бретани, и именно эта буржуазия объявила себя «выразительницей народных интересов». Бретань имеет особый статус, она самая автономная провинция королевства, и её жители платят меньше налогов, чем жители остальных областей Франции.

Студенчество Ренна возглавляемое Жаном Виктором Моро (будущим генералом Рейнской армии) поддерживает «третье сословие» и 26/27 января выходит на улицы вместе с мастерами, носильщиками, водовозами и другими представителями рабочих профессий. Происходят столкновения между депутатами дворянами и их противниками; двое дворян и один подмастерье мясника были убиты в уличной потасовке.

Ренн

Шатобриан назовет эту кровь первыми каплями будущей революции. Студенты пишут письма в другие города Бретани, и студенты Ванна поддерживают Ренн. Семнадцатилетний Кадудаль возглавляет местных студентов, он пишет письмо поддержки и собирается ехать с товарищами в Ренн, но поездка так и не состоялась. Губернатор Бретани выступает посред-

ником между враждующими сторонами и просит дворянство отказаться от мести. Вскоре парламентская ассамблея, или заседание Бретонских штатов, была распущена.

24 января 1789 года вышел королевский указ о созыве Генеральных Штатов и регламенте выборов, первому и второму сословию предоставлялось право избрать по 300 депутатов из своей среды, третьему сословию-600. Дворянство Бретани собирается в Сан-Брие и клятвенно настаивает на своем отказе от любого изменения бретонской конституции, и не посылает своих депутатов в Версаль, развязывая тем самым руки буржуазии. Во время составления списков депутатов в Генеральные Штаты, аристократы исключены из списков, и интересы Бретани едут представлять представители третьего сословия.

В мае 1789 года в Париж прибывают бретонские депутаты, проявившие себя как наиболее активные и радикальные деятели Генеральных Штатов и Конституционной Ассамблеи, в частности среди них был адвокат из Ренна, Иссак ле Шапилье основатель бретонского клуба, ставшего в последствие знаменитым клубом якобинцев.

открытие Генеральных Штатов

14 июля 1789 года ознаменовалось «официальным» началом французской революции и взятием Бастилии, с восторгом встреченным «прогрессивной общественностью». И вот уже в ночь на 4 августа 1789 года депутат от Бретани, неограниченный Ле Гуен де Керангаль, предлагает отменить все права и привилегии Бретани (напомним, Бретань пользовалась тогда большой финансовой и политической самостоятельностью, а так же различными судебными военными и религиозными льготами). Причем многочисленные наказания избирателей, как от приходов, так и от сенешальств, решительно настаивают на сохранении прав и льгот провинции! Никто не требует их отмены, в этом третье сословие полностью согласно с первыми двумя! Однако, в течение ночи 4 августа, бретонские депутаты с пафосом отказываются от «бретонских прав», в то время, когда ими был получен наказ от избирателей «употребить всё свое рвение для их (прав и льгот) поддержки и сохранения»!

И получается, что защиту прав и льгот Бретани берет на себя дворянство, буржуазия же в свою очередь идет до конца и постановляет уничтожить Парламент и Штаты Бретани эдиктами от 3 и 5 ноября.

Парламент пытается оспорить эту отмену, его представители прибывают в Париж в январе 1790 года и выступают на заседании Конституционной Ассамблеи, где их позиция

была осуждена и освистана. Мирабо обвиняет их в попытке стать на пути «великой революции, которая собирается изменить лицо мира и судьбу человеческого сообщества»!

Бретонские льготы отныне осуждены безвозвратно, а попытка их защитить рассматривается как «контрреволюция»!

Кроме того, 2 ноября 1789 года Национальным Собранием было национализировано церковное имущество, но при этом государство брало на себя обязанности по обеспечению расходов по отправлению культа, содержанию причта и вспомоществованию бедных.

15 января 1790 года было принято новое административное деление Франции на департаменты, дистрикты, кантоны и коммуны. Провинция Бретань перестала существовать, а на её месте появилось пять департаментов: Кот дю Нор (современный Кот-д'Армор), Финистер, Иль и Вилен, Нижняя Луара (сейчас Атлантическая Луара), Кот дю Сюд (ныне Морбиан).

Декретом от 19 февраля 1790 года Собрание запретило уход в монастырь, запретило все монашеские ордена и конгрегации. 27 марта 1790 года Римский Папа выступил против церковной политики Национального Собрания. В ответ Собрание приняло 12 июля 1790 года «гражданскую конституцию духовенства», что полностью реформировала французскую церковь и в значительной мере ущемляла права духовенства. Старое деление Франции на 18 архиепископств и 116 епископств заменялось делением на 83 диоцеза совпадавших с административным делением на департаменты. Епископы должны были выбираться теми же лицами, что и депутаты и департаментская администрация, а приходские священники, лицами, выбиравшими местную администрацию, причем закон не требовал, что бы избиратели были католиками. Ну и главное, гражданская присяга духовенства.

27 ноября 1790 года была выработана форма присяги, которую должны были приносить все духовные лица, присяги на верность и повиновение гражданской конституции.

Отсюда пошел раскол во французской католической церкви. По сути, произошла очередная «реформация». Из компетенции церкви были изъяты такие функции, как регистрации рождений, смертей и браков. Признавался только гражданский брак, заключенный в мэрии. Были упразднены все церковные саны, кроме епископа и кюре, причем, теперь это были выборные должности. Отменялось обязательное утверждение французских епископов Папой Римским. Было так же упразднено множество епархий и приходов, в Бретани упразднили 4 епархии из 9. Низшее духовенство, поначалу приветствовавшее революцию, отвернулось от неё.

Многие священники отказались присягать конституции. Тем самым поставив себя вне закона, в Бретани это от 70 до 90% клира. В Ванне, Ла Рош-Берне, Жосселине и Оре все 90%. Они были изгоняемы с приходов и лишались государственного жалования, которое им было положено по декрету от 29 ноября 1791 года.

Но при этом нашлось семь епископов, среди которых знаменитый Талейран, что подписали и одобрили присягу.

Закон от 27 ноября 1790 года говорить о необходимости преследования «как нарушителей общественного порядка» не присягнувших священников. Постановление же от 19 июня 1791 годы уже обязывало под страхом отставки и суда общественным обвинителям преследовать не присягнувших священников! И «не присягнувшие» служили мессу в лесу, тайком, как первые христиане. Население, как правило, привязанное к старым священникам, обращалось только к ним, ходило на тайные мессы и не признавало «обновленцев», священников принесших присягу.

La Messe sous un chêne.

месса под дубом

И в конце 1790 года и в начале, 1791, начинаются волнения в Леоне, Ванне (где стоял колледж Сент-Ив) и других областях Бретани. В Жосселине, в августе 1790, местное население выражает солидарность священнику отказавшемуся читать декрет Конституционной Ассамблеи во время мессы. Организуются многочисленные паломничества и моления с целью просить у Бога защиты от новых законов. В январе 1791 года, в Сен-Поле, аббат Бранелек провозглашает, что люди регистрирующие браки в мэрии, «не являются более христианами», его поддерживают местные жители, так что мэрия Сен-Поля просит воинское подкрепление из Бреста.

В феврале 1791 года, в Ванне, происходит первое столкновение между крестьянами и новой властью. Власть отправляет местного епископа Амело, что отказался давать гражданскую присягу в отставку, в ответ из окрестностей Ванна прибывают крестьяне и организуют марш в поддержку епископа. В нем принимают участие и ученики колледжа Сент-Ив, когда то поддерживающие новые преобразования и приветствующие революцию, теперь они стоят за «старый порядок». 9 февраля, для прекращения беспорядков, прибывают национальные гвардейцы из Лориента, уже с приказом арестовать епископа! В ночь с 12 на 13 февраля звонят колокола в Ванне. 3000 крестьян вооруженные палками и косами движутся к городу. В Лизье, в двух километрах от Ванна, они сталкиваются с национальными гвардейцами и драгунами из Лориента, последние открывают огонь по толпе, убито 4 и ранено 40 человек (по другим данным убито 13 и ранено 60 человек) остальные разбежались. А епископ Амело, все-таки был арестован!

К марту 1791 года все старые епископы в департаментах Бретани изгоняются, но население не признает «конституционных священников», они подвергаются насмешкам и оскорбле-

ниям, а порою просто прогоняются с прихода, что естественно приводит к новым конфликтам с властью.

В это время маркиз де Ла Руэри создает «Бретонскую ассоциацию», подробно о ней сказано в моей биографии маркиза, в которую вступит семнадцатилетний Пьер Мерсье. Среди членов ассоциации будущие герои шуанерии де Буасарди, де Буасги, де Ла Бурдонне, де Тинтеньяк по прозвищу «Белый Волк», братья Луи и Шарль Эдуард де Ла Хей де Силз и их дядя Себастьян, и, конечно же, Пьер Гиллемо и Жан Коттеро по прозвищу «Шуан», и это далеко не полный список.

маркиз де Ла Руэри

5 декабря 1791 года де Ла Руэри выпускает устав «для внутреннего пользования» регламентирующий устройство Бретонской ассоциации, статья 6 которого гласит « целью ассоциации является способствование главным образом и наиболее мирными средствами к возвращению Монархии, спасение прав и владений провинции, а так же бретонской чести».

Помимо прочего тогда же был выпущен манифест от лица ассоциации к жителям Бретани.

Мы нижеподписавшиеся граждане провинции Бретань, считаем своим долгом дать причины основания нашей нынешней Ассоциации, и заявляем сперва единогласно, что самое заветное желание нашего сердца это жить свободным или умереть. Что выражало еще в своей организации наше старое Бретонское правительство (парламент) и как предписано кроме того в шестой статье, пятого раздела первой главы Конституции Франции от 3 сентября 1791 года. И в наши намерения не входит пропаганда иных принципов, и мы не собираемся предпринимать никаких поступков, которые могли бы быть приняты хотя бы за косвенное нарушение присяги.

Кроме того, мы заявляем, что это не исключает с нашей стороны послушание и верность, что мы должны Королю, нашему законному Государю, и мы будем рассматривать как наших врагов всех тех, кто прикрываясь заботой о благе народа, стремится ослабить власть Короля и лишить его трона прикрываясь преступной инсинуацией республиканских идей. Против чего мы будем бороться, не жалея всех наших сил, как истинные верноподданные.

Мы заявляем, наконец, что мы принимаем без ограничений этот основной принцип нашей Конституции, который закреплен в шестой статье декларации прав человека и гражданина, что закон есть выражение общей воли и все граждане имеют право внести свой

личный вклад в её формирование. И в связи с этим, мы отмечаем, что принцип общественных несчастий поражающий в данный момент королевство, и в частности провинцию Бретань, возникает только от того, что на практике была проигнорирована эта теория законодательства, без которой нет истинной общественной свободы. И вследствие чего были рождены эти общественные фракции республиканцев, роялистов и прочие, что разделяют королевство. Кроме того, уважение к закону, естественно ослабло, и мы видим на одной стороне рождение всех этих фракций, на другой ропот народа, чью волю эти фракции даже и не думают выражать, все это ясно показывает, что народ так и не получил возможность выразить свою волю, что была узурпирована этими фракциями.

Мы видим это особенно в провинции Бретань, которая может быть больше, чем любые другие провинции заявить о том, что основной принцип декларации прав человека и гражданина нарушен по отношению к ней и соответственно все законы, что ей навязаны, не имеют силы. Поскольку она (Бретань) не была представлена как подобает на собрании Генеральных Штатов в 1789 году, она должна сохранить свою старую Конституцию, а так же все свои права привилегии и свободы, что были отняты у неё!

Кроме того Бретонская ассоциация встает на защиту веры и выступает против «гражданской конституции духовенства» и в защиту не присягнувших священников, объявляя все принятые Национальным Собранием законы не законными, как противоречащие воле народа. Естественно она выступает и против увеличения налогов, что выросли в три раза по сравнению со «старым режимом», как и против всех нововведений, что приводят к обнищанию бретонцев, все они «не законны»!

Разработан далеко идущий план вооруженного восстания совместно с вооруженным выступлением эмигрантов. 5 июля 1791 года, австрийский император Леопольд II обратился к европейским монархам с призывом защитить монархию во Франции, и, в конце концов, 7 февраля 1792 года, был заключен австро-прусский военный союз. Первой естественно объявила войну революционная Франция, 20 апреля 1792 года, Австрии, и тут же пошла в наступление в Бельгии и Фландрии, желая там разжечь «пожар революции» и рассчитывая, что неприятель вдохновится идеями свободы, равенства, братства, и обратит оружие против собственных господ. Это была армия генерала Рошамбо в количестве 35 000, у Валансьена, армия генерала Лафайета 30 000 у Меца и армия генерала Люкнера 20 000 человек, севернее Страсбурга. Генералы, стоявшие во главе армий, участвовали в семилетней и северо-американской войне. В конце апреля французы пошли широким фронтом в четыре колонны, на Намюр, Монс, Турне и Фюрн. Фактор внезапности и численное превосходство было на стороне французов.

Но всё пошло не так, как рассчитывали «пламенные революционеры» Один из отрядов французской армии численностью 4000 человек наступал через границу из Лилля, когда неожиданно путь ему преградил гораздо менее многочисленный австрийский гарнизон города Турне. Не было сделано ни одного выстрела, не дошло дело и до штыкового боя. Мгновенно охваченные паникой, французы с криками бросились назад, пока не добежали обратно до Лилля. Там поход закончился мятежом, во время которого был убит командир корпуса и несколько старших офицеров. В тот же день французская дивизия под командованием Бирона числом 10 000 встретила с небольшим отрядом австрийских стрелков, который проводил рекогносцировку на местности. Противники едва успели обменяться выстрелами. Достаточно было нескольких точных выстрелов австрийцев по боевым порядкам французов, как два полка французских драгун бросились удирать с криками: «Нас предали!» Их примеру сразу же последовали и остальные французские солдаты. Подобные случаи панического бегства, почти

всегда необъяснимого, происходили постоянно, как только первые революционные французские полководцы Рошамбо, Люкнер или Лафайет пытались бросить свои войска на врага.

Итак, встретившись с австрийскими частями, две средние колонны отступили в полном беспорядке, превратившемся в паническое бегство. Достаточно было просто австрийцам открыть огонь по французским позициям, как люди обращались в бегство. Французские солдаты кидали знамена, убивали офицеров, видели кругом предательство и измену. Это бегство вызвало отступление и двух фланговых колонн, к тому же население Бельгии без энтузиазма и скорее враждебно встретило революционные войска. В итоге генерал Рошамбо сложил с себя командование.

Восстание по плану должно было начаться, когда австро-пруссские войска возьмут город Шалон-сюр-Марн на севере Франции. Две армии должны были встретиться под стенами Парижа, одна принцев, другая де Ла Руэри, а дальше освободить Короля и разогнать Национальное Собрание.

А пока Бретань празднует Пасху, причем службу проводят не присягнувшие священники, но из столицы приходит приказ в департаменты Запада, депортировать всех не присягнувших священников. И приказ этот приходит как раз в святую неделю! Приходы Шатра, Воже, Шамме, Сен-Леже, Сен-Кристофа, Сен-Жана-сюр-Евр и другие встают на защиту своих кюре. Организуются манифестации протеста и прямые выступления против политики властей. Арестованы аббат Риполь, кюре Жена, аббат Баррабе, кюре Шама, и его викарий аббат Даво.

арест священника

В воскресенье, 1 апреля в дистрикте Эврон, после мессы собралась толпа с оружием в руках и помешала аресту своего кюре, отбив его из рук национальных гвардейцев.

На другой день, 2 апреля, 800 человек пошли к зданию мэрии, но они были разогнаны национальными гвардейцами, открывшими стрельбу из пушек по толпе. В течении пяти дней мертвецы лежали на площади в назидание народу. Было арестовано 103 человека, большинству манифестантов удалось бежать.

«Эвронское дело» послужило началом религиозных гонений в департаменте Майен. Закрывались церкви, арестовывались непокорные священники, естественно с участием усиленных отрядов национальной гвардии, для подавления возможных мятежей. Происходят кровавые столкновения в Ванне, Сент-Энн, Сен-Бриё. Но Бретонская ассоциация ждет сигнала, взятие Шалон-сюр-Марн, для начала выступления.

27 мая 1792 года, в воскресенье Пятидесятницы, в поместье Армана назначен всеобщий сбор. В замок Сент-Уан-ла-Руэри прибывают все лидеры местных отделений Бретонской ассоциации, это больше сотни человек, а всего «под ружье» могло быть призвано более 10 000 членов ассоциации.

Стоит отметить, что Арман де Ла Руэри пока еще «на хорошем счету» у революционных властей благодаря участию в борьбе за независимость США, но стечение такого количества людей, многие из которых вооружены, выглядит крайне подозрительно. Слуги маркиза покупают на местном рынке большое количество продуктов для вновь прибывших гостей, что, то же, не остается незамеченным. И вот уже на другой день руководители муниципалитетов Сен-Джеймса и Понторсона сообщают «на верх» руководству дистрикта Авранш, о сборище подозрительных людей в замке. Мэр города Сент-Уан-ла-Руэри обращается к командующему революционными войсками в Ренне генералу Шевинье с просьбой провести обыск в замке маркиза.

31 мая Варин и Эвен, члены правления директории Иль-и-Вилэн во главе отряда из 400 человек в составе жандармов, национальных гвардейцев, стрелков и всадников занимают пустой замок маркиза. Не было обнаружено ни одного компрометирующего документа, ни оружия, и не удивительно, заговорщики оставили замок еще 29 мая. Не стоит забывать, что члены ассоциации были в каждом городе Бретани и могли передать в «центр», о всех действиях направленных против Бретонской ассоциации.

Сам же Арман вопреки мнению патриотов, что он бежал за границу скрылся в замке де Лонэ-Вилье, в Майне, что находился всего лишь на расстоянии двадцати километров от родового замка маркиза, под именем месье Миле, виноторговца из Бордо. Замок де Лонэ-Вилье был расположен глубоко в лесу, вдали от дорог, и маркиз спокойно провел там целых три месяца, при этом поддерживая тесную связь с членами ассоциации. Не стоит забывать, Бретонская ассоциация ждет взятия Шалон-сюр-Марна.

Как я уже упомянул, замок де Лонэ-Вилье располагался глубоко в лесу, а этот лес был знаменитый Мизедонский лес, ставший пристанищем отряду Жана Коттеро по прозвищу «Шуан» после событий 15 августа 1792 года в Сент-Уэн-Де-Туа.

Жители этого города собрались в церкви, откуда с амвона выступили члены директории дистрикта и командиры национальной гвардии кантона. Людей звали записываться волонтерами в национальную гвардию для защиты «завоеваний революции». (22 июля Ассамблея издала декрет о наборе 25 000 волонтеров в департаментах запада.) Амвон был окружен жандармами. По толпе пошел ропот. Один из ораторов пригрозил тюрьмой и смертью бунтовщикам за срыв «призыва». И тут раздался звонкий голос Жана Шуана.

Жан Шуан

– Никаких волонтеров! Если нужно будет взять оружие за Короля, мы возьмем его за Него! Мы пойдем, я отвечаю за всех! Но если нужно будет идти защищать то, что вы называете свободой, то идите сражаться за неё сами! Что касается нас, то мы будем сражаться только за Короля, и не за кого кроме Короля!

Толпа повторяла.

– Да, только за Короля, никого кроме Короля!

Национальные гвардейцы, жандармы, члены магистрата, вынуждены были спастись бегством из церкви. Ведь против них собралась толпа из 1200 человек вооруженных палками и косами. В это же день Жан Коттеро призвал сражаться народ против врагов Бога и Короля!

– Через несколько дней вся Бретань возьмет в руки оружие, мы будем первыми! Настанет день, когда мы победим!

Жан Шуан стал во главе маленького отряда, без оружия, без денег, без поддержки. С ним вместе пошли его братья, несколько старых солдат, егеря, среди которых были три брата Пинсона и Мишель Гье. Каждый взял прозвище, что бы, их семьи не стали жертвами преследований со стороны республики, в последствие, это стало традицией у шуанов.

Стоит отметить, что подобные процессы проходили и в других городах и селах Бретани, в департаменте Кот-дю-Нор, в Перрос-Гиреке, Сен-Ке, Трегье, Плубаланек, Ла-Рош-Дерьен, Плоэзаль и так далее. Собираются толпы крестьян, что с криками «Да здравствует Король!» выгоняют вербовщиков. Национальные гвардейцы избиваются и разоряются.

В Ланьоне повстанцы заявили.

– Мы не дадим ни одного солдата Нации! Мы отлично знаем, что сейчас Король сидит в темнице, а не правит страной! Пусть граждане сами идут служить на границу, мы же не граждане, а верноподданные нашего Короля!

22 и 23 августа поднялись приходы возле Каре-Плугер, толпа в 2000 человек вступила в схватку с национальными гвардейцами, есть жертвы с обеих сторон.

При этом ассоциация ждет приказов братьев Короля и взятия Шалон-сюр-Марна, де Ла Руэри вынужден был даже охладить пыл особо рьяных бойцов, что хотели уже сейчас взяться за оружие.

10 сентября 7000 или 8000 крестьян идут на Понтриё, они вступают в противоборство с национальной гвардией, на этот раз победа остается за выучкой и дисциплиной и пушками. В тот же день в Ланьоне 4000 человек требуют разоружения национальной гвардии, освобождения заключенных роялистов и не присягнувших священников. И опять, пушечный огонь обращает крестьян в бегство. На следующий день патриотам приходит помощь из Генгана и Морле, вооруженный отряд окончательно разгоняет крестьян, множество человек убито и арестовано. Национальные гвардейцы давят бунт в Трегье. В Финистере, арестовывается посланник из Парижа, «за подстрекательство к жестокости», циркуляр Марата вызвал там взрыв возмущения.

Вот он.

– Братья и друзья,

Парижская коммуна спешит сообщить своим братьям во всех департаментах, что часть жестоких заговорщиков, заключенных в тюрьмах, предана смерти народом. Этот акт правосудия, казался народу необходимым, чтобы путем террора сдержать легионы изменников, укрывшихся в стенах города, в момент, когда народ готовился двинуться на врага. Нет сомнения, что вся нация, после длинного ряда измен, которые привели её на край пропасти, поспешит одобрить эту меру, столь необходимую для общественного спасения...

Администрация Комитета Общественного Спасения.

Подписано: Дюплен, Марат друг народа.

Красивые фразы Жан Жака Руссо, Дидро, Даламбера и других «столпов просвещения» обернулись морем крови. Все надежды, все иллюзии, что возлагались на революцию, были разрушены.

22 сентября, официально объявлена республика, начинает работу национальный конвент, Король вместе с семьей заточен в Тамплъ

Дантон видит «триумфальное шествие» австро-прусских войск и паническое бегство революционной армии и на его взгляд программа Бретонской ассоциации выглядит все же более прогрессивно, чем восстановление «Старого режима» неизбежное при победе войск коалиции. Поэтому он считает, есть смысл пойти на переговоры с де Ла Руэри, и на другой день, Валентин Шеветель уже едет с письмом Дантона к Арману в Бретань.

В этом письме Дантон призывает объединить все усилия для спасения Франции от худшего зла (в данном случае вражеское нашествие), дабы сохранить конституционный строй и территориальную целостность страны и спасти её от анархии.

По прибытии в замок де Ла Фоссе-Оган, Шеветель опять ищет встречи с маркизом. К этому времени де Ла Руэри уже ознакомлен благодаря письму Луи де Понтавика из Парижа о связях доктора с кордельерами, но Шеветель и не пытается это отрицать, встречая все обвинения со смехом, ему удалось «завербовать» самого Дантона! Последний знает всё о Бретонской ассоциации и полностью разделяет её цели (по словам Шеветеля)!

Валентин передает письмо Дантона маркизу и уверяет Армана, что все они вместе делают общее дело на благо Франции и Короля. Де Ла Руэри извиняется за свои подозрения, доктор оправдан, он по-прежнему «свой человек» в ассоциации. Мало того, де Ла Руэри решает послать доктора на остров Джерси за очередной партией оружия, что бы тем самым доказать свое доверие и показать как по настоящему ценят Шеветеля в ассоциации!

Сразу же после совещания Шеветель и де Фонтевье отправляются на Джерси за очередной партией оружия, там они встречают Рене Жана дю Плесси, что привез 3000 винтовок, амуницию и порох, к тому же шесть пушек для ассоциации. Груз уже был погружен на корабль, но британский губернатор Джерси выступил против его отплытия и велел задержать судно. Шеветель в своем докладе Дантону, потом подчеркнет, что он лично убедил губернатора наложить вето на отплытие корабля! Так что наши контрреволюционеры ни с чем возвращаются в Бретань.

Восстание стоит «на повестке дня». Де Ла Руэри велит расклеить по городам и селам Бретани следующую прокламацию.

—Граждане! Не смотря на все происки и усилия фракций, я по-прежнему нахожусь среди вас во главе внушительной силы во имя и под командованием принцев, братьев Короля. Будьте уверены, что я подыму оружие только для защиты вас и вашей собственности.

И вы бретонцы, мои дорогие друзья, я хочу помочь вам вернуть себе свои старые права и привилегии, что служили оплотом вашей свободы, политической и религиозной, этот самый надежный залог внутреннего мира и процветания, без которого они невозможны (в тексте буквально стоит «что они производят»)!

А тем временем в Париже Дантон знает, что спасение революции напрямую зависит от взятия Шалон-сюр-Марна войсками антифранцузской коалиции и начинает действовать! 16 сентября 1792 года в Париже было ограблено хранилище королевских ценностей Гард-Мёбль, причем в мемуарах жены министра внутренних дел Ролана в качестве главных подозреваемых фигурируют люди, близкие к Дантону; 17 сентября 1792 года в штаб французского командующего Дюмуре в качестве специального комиссара парижской коммуны командирован депутат Конвента Карра, живший до революции в Германии и прекрасно знакомый с герцогом Брауншвейгским; 19 сентября 1792-го, по воспоминаниям короля французов Луи-Филиппа, бывшего тогда адъютантом генерала Дюмуре, Дантон говорил ему лично: «Скажите своему шефу, что он может спать спокойно. Он победит Брауншвейга, когда его встретит»; 21 сентября 1792-го войска Дюмуре одержали «победу» при Вальми, а Вальми лежит всего в 35 километрах от Шалон-сюр-Марна! Подробный анализ этой «победы» содержится в моей книге о Мари Пьере Луи де Фротте, не буду повторять его здесь.

битва при Вальми

Весть о победе под Вальми мгновенно распространилась по территории Франции, вызвав огромный пропагандистский эффект, тотчас же провозглашена Французская республика, причем с 5 октября 1793 года, будет введен новый календарь, где отсчет времени будет идти со дня основания республики.

22 сентября 1792 года, станет первым днем первого месяца, первого года новой эры! С этого дня будет идти новое летоисчисление!

Исход этой «битвы при Вальми» стал катастрофой для Бретонской ассоциации. 26 сентября, национальные гвардейцы из Андуйе и Ла Баконьер объединяются и поджигают замок де Френе и де Лоне-Вилье, где гостил тогда негодник Миле из Бордо.

Ну а маркиз де Ла Руэри организует очередную встречу глав Бретонской ассоциации в замке де Ла Фоссе-Оган, по вопросу « что же делать дальше, в свете отхода войск антифранцузской коалиции». На этом совещании присутствует и Валентин Шеветель, он после неудачного разоблачения Луи де Понтавика, входит теперь уже в состав «координационного совета» ассоциации! Арман зачитывает письмо де Колонна, в котором последний просит подождать с восстанием до весны, так что на общем совете решено перенести дату восстания на 10 марта 1793 года. Многие советуют де Ла Руэри на время скрыться на острове Джерси, но маркиз отказывается покидать территорию Бретани.

Через три дня после этого совещания, 5 октября, Шеветель был уже в Париже, где рассказывает всё Дантону. Мало того, Шеветель выступает с подробным докладом в Комитете общественной безопасности!

Революция спасена, и Комитет дает теперь приказ Шеветелю уничтожить ассоциацию, арестовать де Ла Руэри и всех заговорщиков. По совету Фабра д'Эглантина в помощь доктору дается «опытная полицейская ищейка» Пьер Лальян, на счету которого уже есть уничтоженный контрреволюционный заговор в Гренобле. 7 октября, Шеветель и Лальян покидают Париж, что бы успеть прибыть в Бретань до 10 октября. Хотя срок восстания перенесен на 10 марта, но мало ли что, вдруг найдутся недисциплинированные члены ассоциации или не до всех дойдет весть о новых сроках восстания.

Тем временем Законодательная Ассамблея приняла 27 ноября 1792 года, еще более суровый декрет против не присягнувших священников. Они приговаривались к изгнанию, если же не присягнувший священник продолжал оставаться во Франции, он приговаривался к десятилетнему тюремному заключению! Приход же к власти Конвента лишь ужесточил меры против не присягнувших священников, они уже не только томились в тюрьмах, но и шли на смерть за свои убеждения!

Поэт и историк Ламартин пишет о той поре во Франции.

«Партия коммуны хотела с корнем вырвать все, что могло напомнить религию, и веру из сердца и из самой почвы Франции. Колокола, этот звучный язык христианских храмов, были перелиты в монету или в пушки. Раки, реликвии, предметы, посредством которых воздавались народом почести апостолам и святым католической веры, были лишены своих драгоценных украшений и выброшены. Депутат Руль разбил на площади в Реймсе склянку с миром, которая, как гласила древняя легенда, была принесена с неба, чтобы помазывать королей божественным елеем. Директории департаментов запрещали

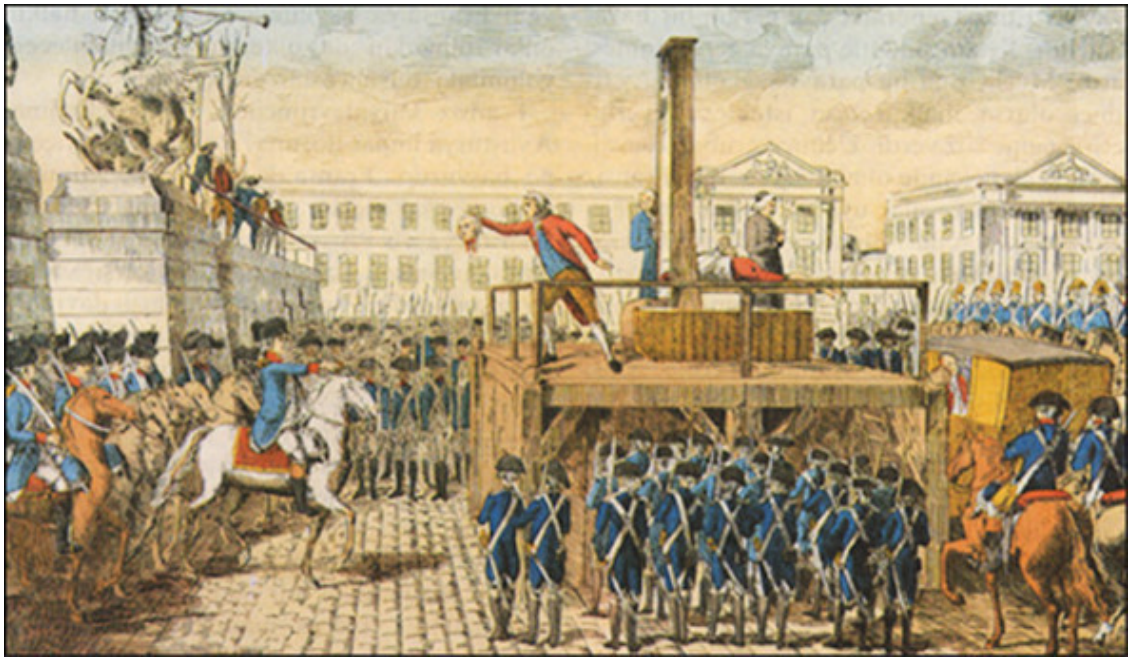
учителям произносить самое имя «Бог» во время занятий с крестьянскими детьми. Андрей Дюмон, посланный с полномочиями в департамент Севера, писал Конвенту, «Я арестую священников, которые позволяют себе справлять праздники и воскресенья. Я уничтожаю кресты и распятия. Я в восторге. Повсюду запирают церкви, сжигают исповедальни и изображения святых, из священных книг делают пыжи для орудий. Все граждане кричат: «Долой священников! Равенство и разум!»

В Вандее, представители Лекинью и Ленъело преследовали даже торговцев воском, поставляющих свечи для религиозных обрядов. «Раскрециваются массами», сообщали они: «священники сжигают свои грамоты на священство. Таблицы прав человека заменяют на алтарях дарохранильницы смешных таинств». В Нанте на кострах, сложенных на площади, сжигались статуи святых, образа, священные книги. Депутации патриотов являлись в каждое заседание конвента и приносили ему имущество, награбленное с алтарей. Жители соседних с Парижем городов и деревень целыми процессиями привозили в Конвент на тележках золотые реликвии, митры, чаши, дароносицы, дикосы и паникадила из своих церквей. Знамена, водруженные на грудах этих предметов сваленных в беспорядке, носили надпись «Обломки фанатизма».

Наступило 21 января 1793 года. 10 часов утра, улицы Парижа почти безлюдны, Короля везут на эшафот. Приказом коммуны было запрещено всякому гражданину, не являвшемуся членом национальной гвардии, выходить на прилегавшие к бульвару улицы и показываться в окнах во время движения кортежа. Человек десять молодых людей, размахивая саблями, выбежали с улицы Боргар и пробились сквозь строй солдат с криками:

– К нам, кто хочет спасти Короля!

На их призыв должны были откликнуться роялисты, но откликнулись единицы! Князь де Тальмон и с ним еще десяток человек, видя, что поддержки нет, воспользовались замешательством и затерялись в улочках, прилегавших к воротам Сен-Дени. Карета с Королем даже не остановилась.

21 января 1793 года

В 11 утра Король взошел на эшафот. Перед смертью он обратился к толпе.

– Я умираю невиновным, я не совершал ни одного из предъявленных мне обвинений; я прощаю тем, кто повинен в моей смерти, и прошу у Бога, чтобы кровь, которую вы сейчас прольете, никогда не пала на Францию!

Барабанный бой заглушил слова Людовика XVI.

Меж двумя стойками гильотины произошло какое-то движение: рычаг пришел в движение, голова Людовика XVI показалась в оконце, сверкнула молния, раздался глухой стук, и вдруг хлынула кровь. Один из палачей, подобрав голову, показал ее толпе, заливая площадку королевской кровью.

При этом люди с пиками взревели от радости и, подавшись вперед, стали обмакивать в этой крови кто пику, кто саблю, кто носовой платок; – потом все закричали: «Да здравствует Республика!». Этот крик еще долго звучал на площади Революции.

Для бретонских дворян и крестьян, Король означал, прежде всего, само королевство, Король принадлежал своему народу. Народ тело, а Король голова. Король выше партий и группировок, потому что он Отец семейства, тот, кто собирает, который судит и который спасает, своей исключительно духовной властью.

В традиционной и монархической Франции, Король, есть личность неприкосновенная, получившая Святое Миропомазание. Он принадлежит к Божественной силе, и поэтому имеет власть отправлять правосудие и исцелять недуги.

В юношеских записях молодого Луи-Августа, будущего Людовика XVI, можно прочесть следующие строки: « *Истинный Король, -это тот Король, который делает счастливым свой народ. Счастье подданных- счастье государя. Истинный Король есть изображение Бога на земле. Король подражает Христу, потому что подобно Христу, Король приносит себя в жертву, Король несет свой крест, и этот крест, тяжел.*».

Шокированный известием о казни Короля, больной пневмонией маркиз де Ла Руэри умирает в ночь с 29 на 30 января 1793 года.

глава вторая

Указом национального конвента, от 15 сентября 1793 года, университет в Ренне, а точнее, юридический факультет, будет закрыт. Его восстановит вновь Наполеон лишь в 1806 году. Причем, по этому указу, были закрыты все (!) высшие учебные заведения во Франции (накануне революции было 22 университета)!

здание юридического факультета Университета Бретани в Ренне

Ну а сам юный студеозус Пьер Мерсье попал немного раньше под действие знаменитого декрета о наборе 300 000 рекрутов для защиты «завоеваний революции». До этого, 1 февраля, Франция объявила войну Англии, Голландии, Испании и Сардинии, при этом находясь в состоянии войны с Австрией и Пруссией. Стоит сразу же отметить, что подобный принудительный рекрутский набор был впервые за всю историю Франции! В Королевской Франции служба в армии была добровольной и формировалась она, как сейчас модно говорить «на контрактной основе». После революции, служба в армии была так же добровольной. В августе 1792 года в Бретани набирали волонтеров, то есть добровольцев (!) и этот «добровольный призыв» вызвал такое возмущение у крестьян! А сейчас, уже молодые неженатые люди или вдовцы, от 18 до 45 лет, без детей, в количестве 300 000 должны идти в армию принудительно, без всяких «хочу, не хочу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.